

Николай Поселягин

Факультет гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

poselyagin@gmail.com

Nikolay Poselyagin

Faculty of Humanities, HSE University

poselyagin@gmail.com

Александра Баженова-Сорокина

независимый исследователь

Nyberg School Yerevan

bazhenova.al@gmail.com

Alexandra Bazhenova-Sorokina

Independent researcher

Nyberg School Yerevan

bazhenova.al@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ИХ СПЕЦИФИКА, ФУНКЦИИ, РАЗНОВИДНОСТИ*

LITERARY-EDUCATIONAL COMMUNITIES: THEIR SPECIFICS, FUNCTIONS, AND FORMS

В этой статье мы постулируем особый класс социальных организаций — литературно-образовательные сообщества, объединяющие в себе художественные, научные (или философские) и педагогические функции. Они отличаются тем, что распространяют теоретические концепции не только среди своих членов, но и на более широкую внешнюю аудиторию, одновременно выступая и как «испытательный полигон», где эти концепции тестируются и применяются на практике. Мы выделяем ряд отличительных признаков таких сообществ, по которым их нельзя сводить только лишь к литературным (или только лишь к научным / философским, педагогическим), и намечаем общие контуры того, какими методами и по каким критериям эти сообщества лучше всего изучать в принципе. В приложении мы в качестве практи-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (Николай Поселягин) и проектного исследования НИУ ВШЭ «Социальные проекции литературного творчества и творческого письма: история и современность» (Николай Поселягин, Александра Баженова-Сорокина). Благодарим Майю Кучерскую и Алину Бодрову за помощь при подготовке статьи.

ческого примера публикуем блок историко-литературных материалов для будущего словаря литературно-образовательных сообществ. Эта подборка описывает в нашем фокусе процессы, происходившие в русской (точнее, в предреволюционной и ранне-советской) литературе 1910–1920-х годов.

Ключевые слова: литературно-образовательные сообщества, литературные кружки, социальные организации, художественные сообщества, образовательные сообщества, академические сообщества, литературный процесс.

In this article, we postulate a special class of social organizations: literary-educational communities that combine artistic, academic (or philosophical) and educational functions. Their specificity is in that they spread their theoretical conceptions not only among their own members but also to a wider outer audience; and at the same time, they act as a “test site” where these conceptions are being tested and applied. We distinguish a number of features of this type of communities according to those they cannot be reduced to just literary (or just scientific/scholar/philosophical/educational) ones. We outline the general contours of methods and criteria by which these communities could be best studied. In the Appendix, for a practical example, we publish a collection of historical-literary materials intended for a possible future dictionary of literary-educational communities. This compendium represents in our focus processes that took place in Russian (or more exactly, in pre-revolutionary and early Soviet) literature in the 1910–1920ths.

Key words: literary-educational communities, literary circles, social organizations, art communities, educational communities, academic communities, literary process.

Литературно-образовательные сообщества играют сразу несколько ролей в литературе и смежных социальных полях, выступая одновременно и как художественные (а также философские, публицистические и т. д.) объединения, и как особого рода академические и педагогические институты. Помимо очевидных функций — таких, как функция кружка по интересам, — они выполняют также две дополнительные задачи, более специфические для именно этого типа социальных образований. Во-первых, они распространяют теоретические концепции не только среди своих членов, но и на более широкую внешнюю аудиторию. Во-вторых, одновременно с этим они выступают и как «испытательный полигон», где эти концепции тестируются и применяются на практике. Подчеркнем, что образовательный — или, более обобщенно, культуртрегерский — аспект для организаторов и участников таких сообществ не менее, а иногда и более важен, чем собственно литературный, поэтому изучать их только как внутрилитературные явления недостаточно — как, впрочем, и относить их исключительно к образовательной или научной сфере. В полном объеме их можно понять, только исследуя на пересечении всех этих полей¹.

¹ Близкие к нашей, но не полностью идентичные концепции представлены, в частности, в работах о социальном поле литературы и о стратегиях, присущих участникам литературных групп. В первую очередь это, разумеется, подход Пьера Бурдьё (Бурдьё 2005), его учеников (например, Сапиро 2004) и исследователей, от него отталкивающихся (прежде всего Guillory 1993), — а также многочисленные и разнообразные по методологии труды по истории читателей и по литературным институтам (Jauss 1982a; 1982b; Дубин 2010; 2017; Рейтблат 2009; Рэдуэй 2004; Шартье 2006 и мн. др.). Ближе всего к нам — подход к исследованию литературных кружков (literary circles; в данном случае, может быть,

Чтобы лучше представить специфику литературно-образовательных сообществ, нужно обозначить их главные функции — т. е. описать, какие литературные, научные и педагогические задачи то или иное сообщество ставит перед собой и как их реализует на практике. Впрочем, о реализации не всегда можно говорить однозначно. В одних случаях у сообщества может попросту не хватать достаточных ресурсов и авторитетности, тем не менее оно позиционирует себя как литературно-образовательное — и тогда его имеет смысл включить в объем нашего понятия. А в других влияние какого-либо сообщества, изначально не ставившего перед собой никаких образовательных целей, или даже влияние одного отдельного автора окажется настолько велико, что его сторонники в итоге сами создадут теоретическую базу и начнут ее транслировать максимально широко.

Впрочем, даже если сообщество и не позиционирует себя публично как литературно-образовательное, зато на практике ведет образовательную деятельность, то оно вполне подпадает под наше определение. Еще раз подчеркнем: при том условии, что так делает оно само, а не его позднейшие последователи, не связанные с ним напрямую, а лишь использующие его имя.

Итак, мы считаем какое-либо сообщество литературно-образовательным, если:

- о нем можно говорить именно как о сообществе, т. е. это либо группа лиц, воспринимающих себя участниками единого коллектива и разделяющих общие ценности, либо даже официально учрежденная организация;
- его основная деятельность происходит внутри литературного поля (по Бурдьё 2005). Поэтому сюда не включаются, в частности, чисто академические институции, где среди прочего преподается художественная литература, например филологические факультеты университетов, — если только на каком-то из этих факультетов не возникнет полноценная литературная школа. В то же время высшие учебные заведения и курсы, специально созданные для обучения людей творческому письму, в эту категорию попадают;
- оно транслирует вовне не только собственные эстетические принципы, но и соответствующие этим принципам формы преподавания писательского мастерства. Даже если само сообщество сравнительно аморфно, и не всегда можно ясно обозначить его границы и определить его институциональную принадлежность (таковы, в частности, многие дружеские литературные кружки), установка на преподавание писательских навыков позволяет считать его объектом нашего

правильнее сказать — кругов) Майкла Фаррелла (Farrell 2001). Понятие «литературный круг» — гораздо более гибкое, чем тот же «литературный институт», и по многим характеристикам совпадающее с нашим термином «литературно-образовательное сообщество», однако мы исследуем данное явление с несколько иных ракурсов, чем Фаррелл.

исследования. Так, в конце 1920-х годов, когда ОПОЯЗ как полноценная автономная организация уже практически перестал существовать, Виктор Шкловский пытался его пересобрать, размышлял над составом участников и параллельно этому публиковал такие работы, как книга «Техника писательского ремесла» (Шкловский 1927);

- оно не ограничивается эстетикой, а выстраивает философскую (или научную, как у того же ОПОЯЗа) теорию, которая становится обоснованием и базисом этой эстетики. Впрочем, данный тезис нужно применять осторожно: многие литературные кружки и иные неофициальные объединения не стремятся к тому, чтобы выстроить стройную и четкую теоретическую позицию, однако какие-то теоретические основания (пусть даже довольно разнородные и аморфные) они предоставляют в любом случае — и мы можем эти основания выявить. Тем не менее такая аморфность существенно размывает границы понятия «литературно-образовательное сообщество», и данный признак из дифференцирующего может превратиться в проблемный;
- оно претендует на широкий охват аудитории: это не только младшие члены, ученики и т. д., но и неопределенный круг людей, в общество (пока еще) не входящих. Целевая аудитория разомкнута и не может быть сведена к точному списку участников с конкретными фамилиями. Даже если на практике такого охвата сообщество не достигает, значимо уже то, что оно себя именно таким способом позиционирует. Другими словами, литературно-образовательные сообщества скорее инклюзивны — или по крайней мере хотят быть инклюзивными, — в отличие от заведомо эксклюзивных литературных клубов, которые по остальным признакам иногда близко приближаются к объекту нашего исследования.

Таким образом, литературно-образовательные сообщества — это сложный конструкт, как бы «надстраивающийся» над обычными литературными сообществами. Литературный кружок или более крупное писательское объединение, редакция литературного или филологического журнала, жюри литературной премии могут взять на себя дополнительные функции, связанные с теоретическим осмыслением и пропагандой собственных принципов, а литературный институт или школа преподавания творческого письма (creative writing) могут объединить вокруг себя писателей и поэтов, работающих в русле определенной эстетики и философии, и их читателей.

Но чем сложнее социальный конструкт, тем труднее провести четкие границы. Какое-то сообщество с одного ракурса — скажем, того, как оно само о себе заявляет, — можно интерпретировать как литературно-образовательное, а с другого — допустим, реальных результатов его деятельности — уже нет. Маленький дружеский кружок, сформулировавший (или заимствовавший) собственные писательские принципы и создавший под

них философский бэкграунд, хочет стать мощным литературным движением и преподавать свою эстетическую концепцию массам. Однако у него нет ни громкого имени, ни полезных знакомств, ни ресурсов или навыков для продвижения, а первоначальное воодушевление его основателей в конце концов спадает — и в итоге вся его деятельность ограничивается парой манифестов и несколькими короткими литературными подборками на страницах литературных журналов или в интернете. С точки зрения позиционирования мы можем говорить об этом кружке как о разновидности литературно-образовательного сообщества, но с точки зрения эффективности результатов — уже нет: декларированные образовательные функции оно так и не выполнило. Соответственно, здесь можно провести первое разделение разных типов литературно-образовательных сообществ: *позиция vs. результат*.

Другим очевидным способом разграничения будет *официальность vs. неофициальность*: у сообщества могут быть собственный формальный устав, членские взносы, лицензия на образовательную деятельность и т. д., но оно может действовать и вне официальных каналов и форм самопозиционирования. Тут необходимо оговорить, что, во-первых, это противопоставление не равно противопоставлению публичности и непубличности (о котором чуть ниже), — литературно-образовательные сообщества всегда, по определению, публичны или по крайней мере стремятся такими стать. А во-вторых, оно не может быть сведено к взаимодействию сообщества с государственной властью: и официальные государственные организации, и неофициальные литературные коллективы могут относиться к литературно-образовательным сообществам, а могут и не относиться. Взаимодействие сообщества с государственной властью бывает каким угодно, в том числе и резко оппозиционным. Оно может избегать ее или демонстрировать полное равнодушие к государству и любым формам официальности; может существовать как официально зарегистрированная организация, а может — как просто неформальный кружок по интересам (во всяком случае номинально).

Оппозиция *публичность vs. непубличность* фактически дополняет предыдущий пункт, образуя с ним неразрывную пару. Здесь хорошо применима концепция Юргена Хабермаса, отделявшего публичную сферу, с одной стороны, от официальной сферы, где работают и транслируют свои ценности институты государства, а с другой стороны — от частной, непубличной жизни отдельных индивидов (Habermas 1989). Независимая от них обеих публичная сфера — это отдельная, самостоятельная третья сфера жизни общества, и литературно-образовательные сообщества по большей части работают именно в ее пространстве. Даже официальные организации входят в публичное пространство хотя бы частично — или сами выстраивают его, или по меньшей мере имитируют его, если полноценное существование такого пространства в данном обществе невозможно (например, когда речь идет об авторитарных режимах и иных видах диктатуры).

Вообще говоря, работа литературно-образовательных сообществ в публичном поле весьма сложна, и даже если речь идет о «всего лишь» имитации, на практике вокруг этих сообществ могут выстраиваться более сложные отношения публичности (хотя бы локальной). Если в каком-то обществе хорошо отлаженной публичной сферы нет или она находится только еще в процессе формирования, литературно-образовательные сообщества зачастую вносят ощутимый вклад в ее создание. Более того, многие из них нацелены на разные формы диалогических отношений с другими сообществами — причем это могут быть как взаимодействие и партнерство, так и (чаще) полемика, противостояние и непримиримая вражда. Однако даже в этих случаях перед нами разновидности взаимодействия, а не равнодушие и атомизация: нечасто бывает такое, что литературно-образовательные сообщества сосуществуют в едином пространстве в режиме атомизации, вовсе никак не взаимодействуя между собой, полностью игнорируя друг друга. А пространство для их сосуществования и любых форм взаимодействия — это, повторим, пространство публичное или хотя бы осмысляемое как (квази)публичное. Полностью официальная сфера государственных предписаний и исключительно частная жизнь отдельных индивидов не подходят для этого, хотя и по разным причинам, — если только перед нами действительно полноценные литературно-образовательные сообщества, а не копирование лишь отдельных их внешних черт (например, государственными институтами ради тех или иных идеологических целей).

Еще одно разграничение можно провести между *академическими vs. неакадемическими институтами*. Как уже говорилось выше, литературно-образовательное сообщество может возникнуть на базе образовательной организации, которая обучает литературе или навыкам творческого письма (как поэтическая «школа Черной горы» при колледже Блэк-Маунтин или писательский кружок вокруг Дэвида Фостера Уоллеса, преподававшего *creative writing* в нескольких американских университетах), либо на базе академической институции (как ОПОЯЗ, УЛИПО или журнал «Tel Quel»), а может — на базе чисто литературного объединения, как Цех поэтов или международное объединение женщин-писательниц Write Like a Grrrl. Это разделение фактически описывает направление движения того или иного сообщества между разными социальными полями: одни из них движутся из университетской среды, из филологии, философии или даже математики (УЛИПО) к литературе, другие — из литературы к гуманитарным наукам и педагогике. В целом более-менее любые литературно-образовательные сообщества существуют на стыке полей литературы и науки, однако, как правило, одни из них больше тяготеют к первому полюсу, а другие — ко второму. Сообщества, находящиеся на этой шкале ближе к науке и к сфере институционализированного преподавания, мы и определяем как академические, хотя уровень аналитического осмысления собственной литературной деятельности в «неакадемических» сообществах может оказаться даже выше.

Здесь также надо оговорить, что движение к литературе может исходить и из каких-либо иных социальных полей — например, журналистики (американская новая журналистика, гонзо и т. п.). Если какое-либо объединение журналистов не только теоретически отрефлексирует свою стилистику и использует ее в художественных текстах, но и начнет преподавать ее общую логику и принципы всем желающим, то его тоже можно будет отнести к нашему объекту исследования. Впрочем, в рамках оппозиции «академические vs. неакадемические» такое сообщество все равно определяется как неакадемическое.

Кроме того, классификацию можно выстраивать, исходя из особенностей той или иной национальной культуры и того или иного исторического периода, где и когда возникло соответствующее сообщество. Так, внутренняя логика и идеология Парнасской школы, очевидно, будет отличаться от логики и идеологии группы «Tel Quel», и не только эстетикой, философией и политическими взглядами, но и банально тем, что между ними — сотня лет.

При этом заметим, что литературно-образовательные сообщества в нашем понимании имеет смысл выделять только в те моменты истории и в тех культурах, когда и где можно говорить о режиме модерности — пусть даже само это понятие весьма проблематично². Тем не менее для нас в категории модерности важны такие характеристики, как публичная сфера — реально существующая или теоретически возможная (в СССР публичное пространство хотя бы потенциально могло существовать, а вот в древнем Вавилоне — уже нет: там вся остальная структура общества кардинально иная), — и автономное либо полуавтономное существование литературы: это уже не элемент религиозных ритуалов или увеселительных мероприятий при королевском дворе, а самостоятельное социальное поле. Даже если некоторые схожие функции можно найти в организациях более древних исторических периодов или культур, не предполагающих публичную сферу в современном смысле, общее социологическое и эпистемологическое основание там будет совсем другим. Например, Академию Платона нельзя относить к нашему объекту исследования, хотя многие функции у нее

² Восходящие к Бодлеру категории «Модерн» и «модерность» (в русских переводах нередко представленные как «современность») многократно становились предметом осмысления и полемики историков, философов, социологов и культурологов, начиная как минимум с 1920–1930-х годов (Франкфуртская школа и Вальтер Беньямин). См., например, такие разные и подчас даже противоположные друг другу работы, как: Eisenstadt 2002; 2003; Eisenstadt, Sachsenmaier, Riedel 2002; Habermas 1987; Jauss 1982a; Koselleck 1985; 2002; Malia 2006; Preyer, Sussmann 2016; Rosati, Stoeckl 2016; Therborn 2003; Адорно 2001; Ассман 2017; Беньямин 2012; Валлерстайн 2015–2016; Гидденс 2011; Гумбрехт 2014; Дэвид-Фокс 2016; Латур 2006; Хабермас 2005a; 2005б; Хоркхаймер, Адорно 1997 и мн. др. В задачи нашей статьи не входит выбрать какую-то одну (или несколько) из этих либо других теорий модерности и придерживаться исключительно ее — скорее мы хотим зафиксировать здесь их принципиальную множественность, с одной стороны, и все-таки некоторые базовые элементы, общие для всех или по крайней мере для большинства из них, — с другой.

совпадают с функциями той же Парнасской школы. Однако платоновская Академия предполагает совершенно иные формы публичности, не равные хабермасовской «буржуазной» публичности эпохи Модерна, и ставит перед собой совсем иные цели, да и литературу как отдельное, особое социальное пространство она тоже не выделяет.

Но зачем вообще постулировать такую специфическую форму социальных групп, как литературно-образовательное сообщество? Для этого мы находим несколько причин.

Во-первых, несмотря на всю важность выделения ключевых параметров, описанных выше, специфика этих сообществ не сводится к обычному перечислению набора функций. Нельзя просто описать какой-либо кружок или организацию сначала как литературную группу, потом как философское или научное объединение теоретиков, а затем как педагогическую институцию — так, как будто это три разных, слабо пересекающихся между собой вида деятельности. Наоборот, все три ипостаси взаимно обуславливают друг друга. Литературное творчество во многом выступает как прикладное тестирование теоретических концепций, которые, в свою очередь, создаются как общие аналитические рамки для литературного мастерства. Преподавание литературных навыков и теоретических установок — не побочное следствие деятельности этих сообществ, а необходимый элемент трансляции выработанных внутри них знаний, умений, опыта, без которых они не способны выполнять свои основные задачи, — поэтому даже в таких сообществах, где нет никаких возможностей и ресурсов, создается по крайней мере декларация о намерениях (позиция).

Вторая причина вытекает из первой: подобные сообщества нельзя изучать исключительно в рамках отдельных дисциплин, тут требуются междисциплинарные методы анализа. Так, если рассматривать их литературную ипостась внутри филологии, теоретическую — внутри философии или истории науки, а образовательную — внутри педагогики или исторической социологии, то их внутренняя логика будет осмыслена лишь частично. Помещая эти сообщества между несколькими социальными полями, мы тем самым утверждаем, что и исследовать их необходимо инструментами различных гуманитарных и социальных наук.

Возможно, в дальнейшем будет выработан единый метод исследования — или скорее набор методов, — который объединит в себе инструментарий всех этих дисциплин и станет оптимальным способом анализа для именно такого материала. А пока что мы предполагаем, что наряду с методами филологических и исторических наук здесь пригодятся заимствованные из социальных наук функционалистские и конструктивистские подходы. Ведь литературно-образовательные сообщества — это, по сути, конструкты, более или менее эффективно воплотившиеся в жизнь (Брубейкер 2012), причем те типы сообществ, которые так и не были реализованы или смогли реализоваться лишь отчасти, но позиционировали себя как литера-

турно-образовательные, наиболее наглядно демонстрируют, что в их основе лежит именно социальный конструкт, хоть и не удавшийся.

В-третьих, нам важен прагматический аспект нашего исследования. Если мы будем лучше понимать внутреннюю логику, структуру, систему ценностей и формы функционирования сообществ из разных исторических периодов и национальных культур, то сможем применять наше понимание к новым аналогичным сообществам, существующим сегодня. Применять его можно не только в академических работах, но и для того, чтобы эффективнее преподавать теорию литературно-образовательных сообществ молодым авторам на курсах творческого письма. Более того — можно применять наше знание на практике, чтобы самостоятельно выстраивать подобные сообщества в будущем либо модерировать их выстраивание. Потенциальные участники будущих сообществ такого типа, собираясь самоорганизоваться, смогут глубже осознавать специфику своих будущих объединений и лучше прорабатывать собственные литературные, научные/ философские и преподавательские стратегии. Таким образом, литературно-образовательное сообщество в этом аспекте становится некой общей социальной рамкой, фреймом, с которым можно знакомить тех, кто в подобном фрейме нуждается.

* * *

В обширном приложении к этой статье мы хотим предложить несколько примеров прикладного анализа литературно-образовательных институций. В будущем эти материалы, собранные нашими коллегами Олегом Лекмановым и Михаилом Свердловым, должны стать частью специального тематического словаря, который задуман участниками подборки как важное подспорье при изучении литературно-образовательных сообществ разных эпох и культур; этой задачей обусловлен их энциклопедический формат.

Хотя, как мы неоднократно указывали выше, объединения такого типа можно найти во многих национальных традициях последних двух или трех столетий и нашу теорию можно применять к различным народам и культурам, материалы приложения сосредоточены только на одном коротком периоде истории русской (точнее, раннесоветской) литературы — со второй половины 1910-х до конца 1920-х годов. Но узкая направленность выборки не должна смущать. Данный период нам представляется не просто важным, а одним из ключевых во всей истории русской литературы — и не только из-за политических потрясений, начавшихся в 1914 году с Первой мировой войной и еще более усилившихся после двух революций, распада Российской империи, Гражданской войны и начала советской власти. В эти годы формировалась новая литературная культура, во многом повлиявшая и на всю последующую российскую литературную теорию (от Виктора Шкловского до Бориса Гройса и далее до постсоветских филологических и литературно-критических поисков), и на литературную прак-

тику XX века — как в СССР, так и далеко за ее пределами. Взгляд на литературную жизнь в России 1910–1920-х годов сквозь призму литературно-образовательных сообществ позволяет увидеть литературные кружки, редакции литературных журналов, теоретико-научные объединения, образовательные курсы и т. д. не как отдельные, лишь отчасти связанные друг с другом «острова» в общем море интеллектуальной жизни той насыщенной и непростой эпохи, а как элементы единой динамической среды, поддерживающей, осмысляющей и развивающей саму себя. Более того, на материале российских 1910–1920-х годов можно увидеть литературные и социальные явления, присущие отнюдь не одной только позднеимперской и раннесоветской культуре. Скорее тут можно говорить о том, что СССР в этот период находился внутри большого международного процесса ломки старых и создания новых риторических систем.

Представленные в приложении статьи написаны не только с целью демонстрации того, как можно описывать и систематизировать данный материал. Каждая из них сама по себе способна выступать самостоятельным научным исследованием, предлагающим особый взгляд на проблему, анализирующим литературные кружки и организации 1910–1920-х годов с новых ракурсов.

Статьи в приложении расположены в хронологическом порядке возникновения сообществ, которым они посвящены.

Александра Баженова-Сорокина и Николай Поселягин в статье об ОПО-ЯЗе дают общий обзор кружка — не ставя перед собой задачу охватить все аспекты деятельности самой известной группы русских формалистов, подробно изученной в большом количестве исследовательской литературы, а описывая ее только в интересующем нас разрезе. Кружок Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума, Юрия Тынянова и их единомышленников — классический пример литературно-образовательного сообщества академического типа, поэтому основное внимание здесь уделяется научной деятельности ОПОЯЗа — теории формального метода в интерпретациях участников общества. Это оправданно постольку, поскольку все остальные стороны деятельности ОПОЯЗа, в том числе и литературно-образовательная, являются следствием общетеоретических установок его ключевых участников, и можно даже говорить об определенном теоретическом «доминировании», — хотя, разумеется, к одной только научной теории деятельность этого кружка не сводится, иначе о нем нельзя было бы говорить как о литературно-образовательном сообществе.

Олег Лекманов и Михаил Свердлов дают обзор сообщества официального типа, описывая Литературную студию при издательстве «Всемирная литература» и Доме искусств (1919–1923). Они показывают, как была организована литературная учеба в студии, какие эстетические концепции в ней формировались и какой коллектив в итоге складывался в ее стенах. Разнородность разрабатывавшихся и преподававшихся в ней эстетик — и даже их вражда друг с другом — не должны дезориентировать: перед

нами полноценная литературно-образовательная институция, предлагавшая широкой аудитории целый спектр взглядов и методик, различных в стилистическом и идеологическом плане, но объединенных концептуально и организационно.

В параллель к этому Александра Чабан в статье о Третьем «Цехе поэтов» (1920–1922) демонстрирует, как функционирует неофициальное литературно-образовательное сообщество. Данный пример вдвойне показателен, поскольку многие участники этой группы были одновременно и учениками институционализированной Литературной студии. Причем сам по себе Третий «Цех поэтов» больше похож на обычные — т. е. закрытые, эксклюзивные — литературные сообщества: так, число его членов было ограничено, существовала процедура формального вступления с отбором кандидатов и т. д. Тем не менее и в этом смысле мы можем, хотя и с определенными оговорками, относить объект исследования к нашей теме — и потому, что в основе его деятельности лежало (само)обучение литературному мастерству, и потому, что «Цеху поэтов» была свойственна критическая рефлексия над собственным поэтическим методом (пусть и отражающая по преимуществу личные предпочтения его лидера Николая Гумилева), и потому, что функционально он образовательную функцию в конце концов тоже выполнил, хотя бы отчасти.

Дмитрий Харитонов в статье о группе «Сепарионовы братья», в целом весьма подробно изученной в филологической литературе, делает акцент на том, какие детали в жизни этого кружка свидетельствуют, что он существовал именно в режиме литературно-образовательного сообщества. Подчеркнуто шутливый характер собраний, отказ от публичной солидарности с официальными политическими идеологиями сосуществуют с активной работой кружка над собственными эстетическими и философскими принципами. Эти принципы не только переносятся на художественное творчество самих участников группы, но и транслируются вовне — в том числе на страницах советских журналов в расчете на максимально широкую публику.

В центре внимания в статье Ольги Нечаевой — Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова («Брюсовский институт», 1921–1925), первое в России и во всем мире профессиональное училище литераторов, организованное как полноценный университет — т. е. с программами обучения творческому письму, литературной критике, журналистике и др., а также разным формам публичного устного слова. Это яркий пример максимально официального литературно-образовательного сообщества, которое тяготеет к академичности и находится на стыке между публичной и государственной сферами. ВЛХИ принимал студентов после вступительных экзаменов, а по окончании обучения выдавал официальные дипломы, но при этом все-таки не превращался в чисто академическое заведение и самостоятельно формировал в своих аудиториях новые формы публичности.

В статье Майи Кучерской рассматриваются Высшие государственные литературные курсы (1925–1929) — по сути, преемник ВЛХИ. Это тоже официальная академическая институция, находящаяся по преимуществу в поле литературы, — даже выпускные работы студентов должны были представлять собой художественные произведения (и лишь в качестве исключения — литературоведческие труды). По признакам публичности и неэсклюзивности курсы тоже хорошо вписываются в определение литературно-образовательного сообщества. Более того, в планах ВГЛК (во многом так и не реализованных) было представить трансляцию своей деятельности еще шире — издавать собственную газету, проводить литературные чтения среди рабочих, организовывать «критические кружки» на фабриках и заводах и т. д.

Остается вкратце сказать, почему эта подборка реализована в формате именно энциклопедических статей, а не в каком-либо ином, и зачем блок материалов такого рода вообще помещен в приложение к статье о литературно-образовательных сообществах. Основная цель, которую мы преследуем на данном этапе, — очертить самые общие контуры проблемы. Сейчас у нас нет задачи открыть какие-то новые, неизвестные филологической науке факты или глубоко, в деталях переосмыслить известную информацию о группах и организациях, ставших объектами нашего анализа; все это — уже следующий этап работы. А в данный момент нам важно в принципе понять, какие сообщества могут быть включены в рамки будущих исследований. Какие характеристики позволяют выделять такой тип сообществ не в теории, а на практике? Как они воплощаются в деятельности реальных литературных групп и академических организаций? Не является ли теория литературно-образовательных сообществ просто очередным научным мифом? Мы полагаем, что нет, это не миф, — но для этого нам необходимо увидеть картину одновременно и целиком, «с высоты птичьего полета», и в отдельных подробностях, которые при обобщающем охвате просто выпадали бы из поля нашего зрения. А энциклопедический формат как раз и обеспечивает именно такой угол обзора, какой нам нужен, — сразу и широкий, и детальный.

Мы намеренно не унифицировали статьи, входящие в подборку. При соблюдении единого общего принципа анализа они очень различаются между собой в способах работы с материалом и в особенностях его подачи, в ракурсах исследования, в обращении к источникам и т. д. — в конце концов, даже по листажу. Мы надеемся, что это даст нам большую гибкость и позволит лучше увидеть, что же все-таки представляет собой этот сложный, комплексный объект, который мы здесь выделяем и предлагаем пристальнее изучать.

Каждая статья сопровождается избранной библиографией по своей теме. Общий единый список цитируемой во всех очерках литературы приведен в конце подборки.

ЛИТЕРАТУРА

- Адорно Теодор. *Эстетическая теория*. Перевод с немецкого А. В. Дранова. Москва: Республика, 2001.
- Ассман Алейда. *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. Перевод с немецкого Б. Хлебникова; перевод английских цитат Д. Тимофеева. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
- Беньямин Вальтер. «О понятии истории». Перевод с немецкого С. Ромашко. Беньямин В. *Учение о подобии: Медиаэстетические произведения*. Переводы с немецкого И. Болдырева и др. Москва: РГГУ, 2012: 237–253.
- Брубейкер Роджерс. *Этничность без групп*. Перевод с английского И. Борисовой. Москва: НИУ ВШЭ, 2012.
- Бурдьё Пьер. «Поле литературы». Перевод с французского М. Гронаса. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Переводы с французского под ред. Н. А. Шматко. Москва; Санкт-Петербург: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005: 365–472.
- Валлерстайн Иммануил. *Мир-система Модерна*: В 4 т. Перевод с английского, литературное редактирование и комментарии Н. Проценко (т. 1–4) и А. Черняева (т. 1). Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015–2016.
- Гидденс Энтони. *Последствия современности*. Перевод с английского Г. К. Ольховникова и Д. А. Кибальчича; научная редакция и вступительная статья Т. А. Дмитриева. Москва: Праксис, 2011.
- Гумбрехт Ханс. «Современный, Современность (Modern, Modernität, Moderne)». Перевод с немецкого К. Левинсона. Зарецкий Ю., Левинсон К., Ширле И. (сост.). *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 томах*. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2014: 241–296.
- Дубин Борис. *Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре*. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.
- Дубин Борис. *Очерки по социологии литературы: Избранное*. Предисловие, составление и подготовка текста А. И. Рейтבלата. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
- Дэвид-Фокс Майкл. «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?» Перевод с английского Т. Пирусской. *Новое литературное обозрение* 140 (2016): 19–44.
- Латур Бруно. *Нового Времени не было: Эссе по симметричной антропологии*. Перевод с французского Д. Я. Калугина; научный редактор О. В. Хархордин. Санкт-Петербург: ЕУСПБ, 2006.
- Рейтблат Абрам И. *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. Москва: Новое литературное обозрение, 2009.
- Рэдуэй Дженис. *Читая любовные романы: Женщины, патриархат и популярное чтение*. Перевод с английского М. Т. Курганской и М. А. Тихонова. Москва: Прогресс-Традиция, 2004.
- Сапиро Жизель. «Французское поле литературы: Структура, динамика и формы политизации». Перевод с французского В. Н. Клейман. *Журнал социологии и социальной антропологии* VII/5 (2004): 126–143.
- Хабермас Юрген. «Модерн — незавершенный проект». Ю. Хабермас. *Политические работы*. Составитель А. В. Денежкин; перевод с немецкого Б. М. Скуратова. Москва: Праксис, 2005а: 7–31.
- Хабермас Юрген. «Концепции модерна: Ретроспектива двух традиций». Ю. Хабермас. *Политические работы*. Составитель А. В. Денежкин; перевод с немецкого Б. М. Скуратова. Москва: Праксис, 2005б: 234–268.
- Хоркхаймер Макс, Адорно Теодор. *Диалектика Просвещения: Философские фрагменты*. Перевод с немецкого М. Кузнецова. Москва; Санкт-Петербург: Медиум; Ювента, 1997.
- Шартье Роже. *Письменная культура и общество*. Перевод с французского и послесловие И. К. Стаф. Москва: Новое издательство, 2006.

- Шкловский Виктор. *Техника писательского ремесла*. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1927.
- Eisenstadt Shmuel (ed.). *Multiple Modernities*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002.
- Eisenstadt Shmuel. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Eisenstadt Shmuel, Sachsenmaier Dominic, Riedel Jens (eds.). *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002.
- Farrell Michael. *Collaborative Circles: Friendship Dynamics and Creative Work*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2001.
- Guillory John. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993.
- Habermas Jürgen. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Translated from German by F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Habermas Jürgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Translated from German by Th. Burger with the assistance of F. Lawrence. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1989.
- Jauss Hans-Robert. *Aesthetic Experience and Literary Hermeneutics*. Translated from German by M. Shaw. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982a.
- Jauss Hans-Robert. *Toward an Aesthetic of Reception*. Translated from German by Th. Bahti. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982b.
- Koselleck Reinhart. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Translated from German by K. Tribe. Cambridge (Mass.); London: MIT Press, 1985.
- Koselleck Reinhart. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Translated from German by T. S. Presner et al.; foreword by H. White. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Malia Martin. *History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World*. Edited and with a foreword by T. Emmons. New Haven; London: Yale University Press, 2006.
- Preyer Gerhard, Sussmann Michael (eds.). *Varieties of Multiple Modernities: New Research Design*. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Rosati Massimo, Stoeckl Kristina (eds.). *Multiple Modernities and Postsecular Societies*. London; New York: Routledge, 2016.
- Therborn Göran. «Entangled Modernities». *European Journal of Social Theory* VI/3 (2003): 293–305.

REFERENCES

- Adorno Teodor. *Esteticheskaya teoriya*. Pervod s nemeckogo A.V. Dranova. Moskva: Respublika, 2001.
- Assman Alejda. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Pervod s nemeckogo B. Hlebnikova; pervod anglijskih citat D. Timofeeva. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Ben'yamin Val'ter. «O ponyatii istorii». Pervod s nemeckogo S. Romashko. Ben'yamin Val'ter. *Uchenie o podobii: Mediaesteticheskie proizvedeniya*. Pervody s nemeckogo I. Boldyreva i dr. Moskva: RGGU, 2012: 237–253.
- Brubejker Rodzhers. *Etnichnost' bez grupp*. Pervod s anglijskogo I. Borisovoj. Moskva: NIU VSHE, 2012.
- Burd'yo P'er. «Pole literary». Pervod s francuzskogo M. Gronasa. Burd'yo P'er. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Pervody s francuzskogo pod red. N.A. SHmatko. Moskva; Sankt-Peterburg: Institut eksperimental'noj sociologii; Aletejya, 2005: 365–472.
- Dubin Boris. *Klassika, posle i ryadom: Sociologicheskie ocherki o literature i kul'ture*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

- Dubin Boris. *Ocherki po sociologii literatury: Izbrannoe*. Predislovie, sostavlenie i podgotovka teksta A. I. Rejtblata. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Devid-Foks Majkl. «Modernost' v Rossii i SSSR: otsustvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya?» Pervod s anglijskogo T. Pirusskoj. *Novoe literaturnoe obozrenie* 140 (2016): 19–44.
- Eisenstadt Shmuel (ed.). *Multiple Modernities*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002.
- Eisenstadt Shmuel. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Eisenstadt Shmuel, Sachsenmaier Dominic, Riedel Jens (eds.). *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002.
- Farrell Michael. *Collaborative Circles: Friendship Dynamics and Creative Work*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2001.
- Guillory John. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993.
- Giddens Antoni. *Posledstviya sovremennosti*. Pervod s anglijskogo G. K. Ol'hovnikova i D. A. Kibal'chicha; nauchnaya redakciya i vstupitel'naya stat'ya T. A. Dmitrieva. Moskva: Praksis, 2011.
- Gumbrecht Hans. «Sovremennyj, Sovremennost' (Modern, Modernität, Moderne)». Pervod s nemeckogo K. Levinsona. Zarekij Yu., Levinson K., Shirle I. (sost.). *Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat'i*. V 2 tomah. T. 1. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014: 241–296.
- Habermas Jürgen. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Translated from German by F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Habermas Jürgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Translated from German by Th. Burger with the assistance of F. Lawrence. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1989.
- Habermas Jürgen. «Modern — nezavershennyj proekt». J. Habermas. *Politicheskie raboty*. Sostavitel' A. V. Denezhkin; pervod s nemeckogo B. M. Skuratova. Moskva: Praksis, 2005a: 7–31.
- Habermas Jürgen. «Konceptii moderna: Retrospektiva dvuh tradicij». J. Habermas. *Politicheskie raboty*. Sostavitel' A. V. Denezhkin; pervod s nemeckogo B. M. Skuratova. Moskva: Praksis, 2005b: 234–268.
- Horkkhajmer Maks, Adorno Teodor. *Dialektika Prosveshcheniya: Filosofskie fragmenty*. Pervod s nemeckogo M. Kuznecova. Moskva; Sankt-Peterburg: Medium; Yuventa, 1997.
- Jauss Hans-Robert. *Aesthetic Experience and Literary Hermeneutics*. Translated from German by M. Shaw. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982a.
- Jauss Hans-Robert. *Toward an Aesthetic of Reception*. Translated from German by Th. Bahti. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982b.
- Koselleck Reinhart. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Translated from German by K. Tribe. Cambridge (Mass.); London: MIT Press, 1985.
- Koselleck Reinhart. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Translated from German by T.S. Presner et al.; foreword by H. White. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Latur Bruno. *Novogo Vremeni ne bylo: Esse po simmetrichnoj antropologii*. Pervod s francuzskogo D.YA. Kalugina; nauchnyj redaktor O.V. Harhordin. Sankt-Peterburg: EUSPB, 2006.
- Malia Martin. *History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World*. Edited and with a foreword by T. Emmons. New Haven; London: Yale University Press, 2006.
- Preyer Gerhard, Sussmann Michael (eds.). *Varieties of Multiple Modernities: New Research Design*. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Rejtblat Abram. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoj sociologii russkoj literatury*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- Reduej Dzenis. *Chitaya lyubovnye romany: ZHenshchiny, patriarhat i populyarnoe chtenie*. Pervod s anglijskogo M. T. Kurganskoj i M. A. Tihonova. Moskva: Progress-Tradiciya, 2004.
- Rosati Massimo, Stoeckl Kristina (eds.). *Multiple Modernities and Postsecular Societies*. London; New York: Routledge, 2016.

- Sapiro Zhizel'. «Francuzskoe pole literatury: Struktura, dinamika i formy politizacii». Perevod s francuzskogo V. N. Klejman. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* VII/5 (2004): 126–143.
- Shart'e Rozhe. *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo*. Perevod s francuzskogo i posleslovie I. K. Staf. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2006.
- Shklovskij Viktor. *Tekhnika pisatel'skogo remesla*. Moskva; Leningrad: Molodaya gvardiya, 1927.
- Therborn Göran. «Entangled Modernities». *European Journal of Social Theory* VI/3 (2003): 293–305.
- Vallerstajn Immanuel. *Mir-sistema Moderna*. V 4 t. Perevod s anglijskogo, literaturnoe redaktirovanie i komentarii N. Prochenko (t. 1–4) i A. Chernyaeva (t. 1). Moskva: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015–2016.

Николај Посељагин, Александра Баженова-Сорокина

КЊИЖЕВНО-ПРОСВЕТНА ДРУШТВА:
СПЕЦИФИЧНОСТИ, ФУНКЦИЈЕ И РАЗНОВРСНОСТИ

Резиме

У чланку постулирамо посебну класу друштвених организација — књижевних и просветних друштава, која спајају у себи уметничке, научне (или филозофске) и педагошке функције. Одликује их то што шире теоријске концепте не само међу својим члановима, већ и на ширу спољну публику, док истовремено делују и као „полигон“ где се ови концепти проверавају и примењују у пракси. Издвајамо низ карактеристичних особина оваквих друштава, према којима се оне не могу свести само на књижевне (или само на научне/филозофске, педагошке), и износимо опште нацрте, који методи и критеријуми су у принципу најбољи за проучавање ових друштава. У прилогу, као практичан пример, објављујемо блок историјско-књижевне грађе за будући речник књижевно-просветних друштава. Овај избор у нашем фокусу описује процесе који су се одвијали у руској (тачније, у предреволюционарној и раној совјетској) књижевности 1910–1920-их.

Кључне речи: књижевно-просветна друштва, књижевни кружоци, социјалне организације, уметничка друштва, просветна друштва, академска друштва, књижевни процес.